

РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1917 ГОДУ

В статье рассматривается первый этап реорганизации местного самоуправления в условиях революционных преобразований 1917 г. Первичная демократизация городских дум, губернских и уездных земств осуществлялась под контролем общественных исполнительных комитетов с привлечением советов рабочих, военных, крестьянских депутатов.

Ключевые слова: Великая российская революция, Временное правительство, местное самоуправление, думы, земства, комитеты, советы.

Революционный процесс в российской провинции разнообразен и многовариативен. Он не ограничивался только взаимоотношениями органов власти Временного правительства и революционных потоков. Специфика функционирования органов городского и земского самоуправления, переживших в 1917 году несколько этапов демократизации, а затем ликвидированных, зависела от соотношения общественно-политических сил на местах. Некоторые аспекты деятельности дум и земств Поволжья во время революции получили освещение в современной историографии [4; 11; 13; 15–18]. Однако необходимо специальное рассмотрение региональных особенностей органов общественного управления. Это позволит выявить причины отторжения большинством населения общедемократических институтов в ходе революционных преобразований и предпочтения принципов непосредственного представительства в местных властных структурах.

Переустройство всей системы местного самоуправления на широких демократических началах проходило в течение всего 1917 года. Либеральные общественные силы саму судьбу революции связывали с осуществлением местной реформы, которая должна была объединить пришедшие в движение общество и государство. В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразований. Чтобы предотвратить местную самодетельность в реорганизации органов самоуправления, Временное правительство 23 марта 1917 г. образовало Особое совещание, на которое возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городского «Положений» и приспособление их к новым условиям общественной жизни [7. Л. 1–2].

Реорганизация власти на местах, осуществляемая Временным правительством, основывалась на стремлении сохранить приоритет центрального руководства, единообразии системы управления. Кроме того, органы самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти. Законодательная деятельность Временного правительства с самого нача-

* © Кабытова Н.Н., 2016

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ла расходилась с представлениями народных масс о необходимых направлениях изменения системы организации власти и самоуправления на местах, способах их взаимодействия. После февраля 1917 г. в общественном сознании удивительно быстро утвердился «культ народного избрания», убеждение в том, что при «новом праве воля народа... есть высший закон страны и над постановлением народоправства никакого контроля нет» [12, с. 40]. В формах осуществления «народоправства» правительство и народ также существенно расходились.

Деятельность городских дум и управ активизировалась в ходе революционной эйфории. Весть о падении самодержавия они восприняли как сигнал к действиям по усилению влияния местного самоуправления в обществе. После получения известий из Петрограда о взятии государственного и общественного порядка в ведение Временного Комитета Государственной думы городские общественные управления первыми приветствовали его и обещали «все силы долга, совести и разума отдать делу устроения светлого будущего» [6. Л. 2]. Во всех губернских центрах Поволжья инициатива создания общественных комитетов «для охраны правильного течения жизни» принадлежала совещаниям общественности, собиравшимся под эгидой городских дум и управ.

Городские думы и управы, выступившие в первые дни революции с инициативой организации представительных структур местной власти, как правило, самоограничивали собственную компетенцию управлением городским хозяйством. Общественные исполнительные комитеты, наоборот, претендовали не только на административное управление, но и на политическое влияние в условиях формирования новых органов власти на местах. В связи с этим они заявляли, что «до издания новых законов о местном самоуправлении» готовы принять «на себя руководящую роль над органами местного самоуправления во всем объеме их деятельности» [2]. Реорганизация городского самоуправления в губернских центрах Поволжья проходила с разной степенью оперативности и радикализма. Это проявилось еще в период образования общественных исполнительных комитетов: чем активнее действовали комитеты, тем быстрее думы стремились демократизироваться. Советы рабочих и солдатских депутатов, заявлявшие о поддержке требований социальных групп, не представленных в цензовых думах, также подталкивали их на путь реформирования. На процесс демократизации городских дум в марте-апреле 1917 г. влияли и общественные комитеты и советы. Единообразия здесь не было. Поскольку советы имели представительство в комитетах, то они могли влиять на изменение состава дум через соответствующие комиссии комитетов. Чаще всего советы напрямую делегировали своих представителей в думы с целью их демократизации. Иногда комитеты и советы соперничали за влияние в думах. Это происходило в тех случаях, когда советы заявляли о своей самостоятельности по отношению к общественным исполнительным комитетам.

Наибольшую активность на начальном этапе демократизации городского самоуправления проявили общественные исполнительные комитеты. Самарский Комитет народной власти еще в первой половине марта 1917 г. выделил из своей среды комиссариат из 9 человек, который должен был руководить хозяйственной деятельностью городского самоуправления. По сути, этот орган подменял собой городскую управу. Решения по всем важным вопросам городского хозяйства подлежали обязательной санкции исполкома Комитета народной власти. Вопросы реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Комитет также объявил своей компетенцией. Однако в дальнейшем декларированные им намерения не получили сколько-нибудь значительного развития. Самарский Комитет народной власти изменил свою тактику, и в этот же день,

21 марта, было принято предложение эсера А.И. Кабцана о реорганизации городского самоуправления путем введения в городскую думу 60 гласных-нецензовиков. Выборы было поручено осуществить Совету рабочих депутатов [2]. Советы в это время придерживались доктринерской тактики умеренных социалистов о буржуазном характере власти в России и видели свою задачу в осуществлении контроля за ней. Поэтому Совет утвердил инструкцию выборов в городскую Думу, по которой организации чисто цензовые исключались из числа выборщиков, а в смешанных участвовать в выборах могли только нецензовые элементы. Избранными в Думу могли быть только нецензовики. Ценз в Самарскую городскую думу до Февральской революции составлял 1000 руб. [20. Л. 1].

Темпы демократизации городского самоуправления зависели прежде всего от активности общественных сил в той или иной местности. Взаимоотношения представителей царской администрации и городских дум до февраля 1917 г. также накладывали отпечаток на ход и направления их действий в первые дни революции. Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Саратове, где губернатор Тверской твердо и властно управлял вверенными ему делами, а городское самоуправление было полностью ему подчинено. Поэтому, когда вечером 1 марта 1917 г. состоялось частное совещание Саратовской городской думы в присутствии 50 гласных, прибывший губернатор потребовал от собравшихся: «...чтобы радость и ликование, испытываемые вами в эту минуту, не прорвались наружу и не вышли бы на улицу и чтобы нарушенное спокойствие не послужило бы на радость нашему врагу» [8. Л. 30]. Далее он заявил, что «поставлен Высочайшим указом... и другой власти не знает и употребит все усилия, чтобы сохранить порядок» [8. Л. 30]. Затем губернатор покинул зал, а гласные перешли в кабинет городского головы и стали келейно обсуждать события. Вели они себя при этом робко, рассуждали о временном характере Комитета Государственной думы, предлагали подождать, когда он передаст кому-то власть. Замещавший место городского головы А.А. Яковлев предложил «выбрать комиссию для составления воззвания», включив в нее «кого угодно», а вернувшиеся от губернатора депутаты сообщили, что он наконец разрешил печатание телеграммы о революционных событиях в Петрограде [8. Л. 32].

Пока Саратовская городская дума приравнивалась к новым реалиям революционных преобразований, Саратовский ОГИК, ежедневно расширяя свой состав, стал осуществлять функции и власти, и самоуправления. 13 марта 1917 г. частное совещание гласных Саратовской городской думы обсуждало вопрос о необходимости демократизации. Одни предлагали «вливать в состав Думы Исполнительный комитет, т. к. там представители от всех общественных организаций»; другие — «произвести новые выборы Думы на основе всеобщего избирательного права»; третьи заявляли, что «вопрос этот общегубернский и общероссийский» [8. Л. 42–43]. В результате на совещании была избрана комиссия, которой поручили разработать принципы демократизации Думы. Попытка Саратовской городской думы демократизировать свой состав за счет общественных организаций, представлявших интересы различных социальных, профессиональных групп, не имела успеха. К тому же принципом пропорциональности представительства составители проекта явно пренебрегли, выделив рабочим и солдатам всего по 4 места. Напротив, в Саратовском общественном исполнительном комитете Советы имели солидное представительство и принимали в его работе деятельное участие. 19 апреля 1917 г. Дума вынуждена была послать в Комитет своих представителей в качестве заместителей, признав тем самым его приоритет в организации власти в городе и губернии [8. Л. 52]. Интерес к деятельности Саратовской городской думы после неудавшейся попытки демократизации был потерян в средних городских слоях.

Органы городского самоуправления далеко не всегда подвергались демократизации в первые месяцы революции. Выступив инициаторами общественных комитетов, многие городские думы и управы продолжали заниматься организационно-хозяйственными делами. Однако в условиях революционных преобразований городские самоуправления не могли оставаться в стороне от решения вопросов по реорганизации местной администрации. Чрезвычайные собрания городских дум ряда губернских центров Поволжья, созывавшиеся в первых числах марта 1917 г. для обсуждения революционных событий в Петрограде, ограничивались составлением приветственных телеграмм Временному комитету Государственной думы и Временному правительству.

Самостоятельных действий в организации новой власти на местах такие думы не предпринимали, а ждали указаний из центра и от губернской администрации. Так, состоявшееся 7 марта 1917 г. «Четвертое очередное заседание Пензенской городской думы» приняло к сведению, «что один из сотоварищей по Думе Леонид Николаевич Кугушев назначен новым правительством Комиссаром Пензенской губернии... а его помощником... В.А. Герман» [5. Л. 102]. Собравшиеся приветствовали назначение и на этом разошлись. 10 марта 1917 г. состоялось уже Чрезвычайное заседание Пензенской городской думы, где было удовлетворено прошение городского головы И.Н. Ашанина об отставке «по нездоровью», а эти обязанности возложены на члена Управы А.Г. Свинухова. Но не новый городской голова, а гласный В.А. Герман от имени Бюро Исполнительного комитета представил положение об организации Пензенской городской милиции, предлагая Думе обсудить степень своего участия в ней [5. Л. 114].

Казанская городская Управа, продолжая и после февраля 1917 г. заниматься текущими организационно-хозяйственными мероприятиями, организовала специальное заседание городской думы, чтобы довести до сведения гласных «Обращение Государственной Думы» от 7 марта 1917 г. об изменении государственного строя в стране. Участникам собрания озвучили обещания революционеро-февралистов о том, что они «накормят голодных, напрягут все силы на защиту Родины», а для этого «крестьяне должны везти и продавать хлеб» [14. Л. 3]. В ответ на эти призывы гласные послали приветственную телеграмму на имя председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко. Никакой инициативы по реорганизации городского самоуправления, приспособления его к новым условиям общественной жизни они не проявили.

Симбирская городская Управа вообще не сочла нужным собрать гласных для обсуждения революционных событий в стране. Она приняла к сведению уведомление губернского правления «о временном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов» и сообщение о том, что «князь М.А.Черкасский... сдал 6 марта управление губернией заступающему место Председателя Симбирской губернской земской Управы Ф.А. Головинскому» [10. Л. 44]. Оперативные меры были приняты городской Управой для предотвращения возможных преследований в отношении представителей старой губернской администрации. 13 марта 1917 г. она выдала «удостоверение бывшему Симбирскому полицмейстеру Никанору Васильевичу Белоусову в том, что со стороны городской милиции к выезду его из гор. Симбирска препятствий не имеется» [10. Л. 50]. Симбирский полицейский начальник решил убраться из города, пока его не арестовали, как это произошло в некоторых соседних губерниях, а городская Управа ему в этом способствовала.

Рассматривая основные направления реорганизации органов городского самоуправления, предпринятой в ходе революционных преобразований на местах после февраля 1917 г., необходимо отметить догоняющий характер этого процесса. Город-

ские думы, выступавшие, как правило, с инициативой образования временных общественных комитетов для организации новой власти, свой состав не торопились пополнять демократическими элементами. Это отодвигало их на задний план не только при формировании местной администрации Временного правительства, но и в конкретной борьбе старых и новых органов самоуправления. Центр общественного представительства при переходе революции на места в поволжских городах переместился в исполнительные комитеты. Думам не удалось демократизировать свой состав за счет представительства от порожденных ими же комитетов, т. к. последние считали себя более высокой инстанцией. Тогда городские самоуправления обратили свои взоры к Советам. Под давлением обстоятельств и по мере организации Советов в Поволжье сначала в губернских, а затем в уездных городах думы выделили для них квоты.

В условиях революции у сохранившихся старых органов самоуправления появились новые функции, которые можно было реализовать только вместе с Советами, представлявшими интересы нецензового населения городов. Основное внимание городские думы весной 1917 г. уделили организации народной милиции с тем, чтобы сосредоточить в своих руках охранные функции власти. Другие общественно значимые для рабочих и средних слоев населения вопросы общедемократического характера думы рассматривали только под давлением Советов.

Демократизация земских учреждений в первые месяцы революции существенно отличалась от аналогичного процесса в отношении городского самоуправления. Среди обязательств Временного правительства, провозглашенных декларацией от 3 марта 1917 г., было проведение всеобщих выборов в органы местного самоуправления на демократических началах [17, с. 209]. Однако до выборов новых органов самоуправления Временное правительство предпочло опереться на земства при формировании местных органов власти, т. к. их взгляды по этому вопросу полностью совпадали [4, с. 55]. Это обстоятельство не способствовало действенной демократизации губернских и уездных земских собраний.

В поволжских губерниях созывались особые совещания, где обсуждались характер, направление и сроки проведения земской реформы. В ходе их работы вполне четко проявились разногласия по вопросам стратегии и тактики земского реформирования. Это свидетельствовало о внутреннем кризисе земств и необходимости немедленной их демократизации с целью хотя бы сохранения их места в системе самоуправления. Некоторые уездные земства, не дожидаясь указаний сверху, начали расширять свой состав за счет новых общественных организаций, вызванных к жизни революцией.

Необходимо отметить, что активность уездных земских структур в процессе демократизации не была обусловлена степенью развития капиталистических отношений в деревне. Общедемократические ценности в их деятельности были главными, а действия по изменению состава гласных земских собраний и управ — одинаковыми. Чаще всего на крестьянских съездах избранные на местах делегаты признавали необходимым обновить весь прежний состав земских собраний и управ, «не являющихся истинными представителями народа» [3]. Определенные нюансы в ходе демократизации земских управлений зависели от личных качеств председателей земских управ и в каждом конкретном случае носили индивидуальный характер.

Реорганизация губернских земств осуществлялась гораздо медленнее, они были дальше от народа, консервативнее, чем уездные, по составу и взглядам. Земские служащие, привлекавшиеся к работе особых совещаний по вопросам демократизации местного самоуправления, выступали за немедленную реорганизацию губернских земских структур, т. к. этот процесс уже шел естественным путем снизу. Самарское

особое совещание по реорганизации губернского земства, открывшееся 8 апреля 1917 г., было посвящено главному вопросу: «Нужно ли проводить реформу земства сейчас, не дожидаясь, когда будет опубликован декрет Правительства?» [3]. Выражая мнение большинства делегатов совещания, служащий Самарского уездного земства М.И. Лунин заявил: «...сверху мы никогда не получим хорошей реформы». Он предложил демократизировать состав губернского земства, «который, несомненно, будет работоспособней и лучше поймет задачи момента» [3]. Собрание большинством голосов приняло это предложение, постановив начать выработку земской реформы, которая будет действовать до нового закона Временного правительства.

Народная инициатива по обновлению земств вынудила Временное правительство 24 апреля 1917 г. телеграфировать на места, «что земские собрания в случае надобности могут быть временно пополняемы представителями демократических слоев населения» [9. Л. 182]. На основании этой телеграммы дополнили свой состав даже те земства, которые не решались проявлять инициативу без разрешения центра. Саратовское чрезвычайное губернное земское собрание 18 мая 1917 г. решило вопрос о демократизации своего состава следующим образом: «...в состав его, кроме старых губернских земских гласных, вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях» [9. Л. 182 об.].

В объяснительной записке губернскому комиссару Саратовская губернская земская Управа представила механизм преобразования Губернского земского собрания, ссылаясь на «постановления съезда представителей уездных и губернских исполнительных Комитетов» [9. Л. 183]. В соответствии с ним «существующие уездные земские собрания сохраняют свои полномочия и пополняются в определенном количестве представителями от волостных собраний, от городов, а также от местных исполнительных общественных комитетов, военных комитетов и советов рабочих депутатов. Обновленные таким образом уездные земские собрания выбирают гласных в Губернское земское собрание в таком числе, в каком каждый уезд представлен на Губернском собрании по действующему расписанию, т. е. число гласных... увеличивается вдвое» [9. Л. 183].

Под контролем низовых общественных организаций земские самоуправления не только пополнялись демократическими, но и избавлялись от цензовых элементов. То же Саратовское губернное земское собрание решило, что «лица, участвовавшие в земских собраниях только на основании особых привилегий, присвоенных им старой властью свергнутого правительства, не могут уже участвовать в этих учреждениях» [9. Л. 182]. Прежде всего были лишены представительства в земствах дворянские общественные организации. Уездные предводители дворянства «как не гласные по избранию населения, а участвовавшие в земском собрании “ex officio” по должности, не были приняты в расчет при выборе губернских гласных на уездных собраниях». «Такое соображение уездных земских собраний, по мнению Губернского земского собрания, является вполне правильным, так как... прежняя власть совершенным государственным переворотом, несомненно, упразднена» [9. Л. 182]. Свою реорганизацию и приспособление к нуждам «текущего момента» Саратовское губернное земство объясняло не только требованиями времени. Оно следовало «точному смыслу резолюции съезда представителей исполнительных комитетов», который высказался за «пополнение состава гласных... по всей губернии единообразно в размере 100 %». Никаких процентных соотношений съезд не указывал. Они содержались в указаниях Временного правительства. Объединив рекомендации сверху и резолюции снизу, Саратовская губернская управа заявила, что она «поступила правильно» [9. Л. 182–184]. По сути, земство отстаивало собственное видение процесса реорганиза-

ции местного самоуправления. Оно настаивало на сочетании старых форм и нового содержания своей деятельности.

Демократизация губернских земских управ в Поволжье началась вслед за уездными в апреле и завершилась в конце мая — начале июня 1917 г. Формы этого процесса зависели от степени активности тех или иных общественных объединений. В Самарской и Саратовской губерниях пополнение губернских земских управ осуществлялось под эгидой общественных исполнительных комитетов, организованных по принципу коалиционных правительств. В этих губерниях консервативные элементы под давлением советов и комитетов вытеснялись из состава земских собраний и управ. Их место заняли агрономы, врачи, учителя, юристы, земские служащие различных специальностей. Советы рабочих, военных, крестьянских депутатов не только имели свое представительство в губернских земских собраниях, но и принимали участие в работе земских комиссий.

Самарское чрезвычайное губернское земское собрание, начавшее свою работу 6 июня 1917 г., утвердило новый состав гласных в количестве 135 человек против 64, действовавших до этого. Из него были удалены все гласные по назначению: 8 предводителей дворянств, 7 председателей старых уездных земских управ, 3 представителя дореволюционных ведомств [19. Л. 10]. В губернское земское собрание избрали преимущественно крестьян, «среди которых интеллигенция и небольшая группа рабочих» [1]. Значительно изменился также состав Самарской губернской земской управы — после перевыборов в ней осталось всего три цензовика «для сохранения преемственности работы земских управ» [19. Л. 52, 58]. Большинство новых гласных, вошедших в состав Самарского губернского земского собрания, по партийной принадлежности были эсеры, значительно меньше было кадетов за счет сохранивших свой статус старых земских гласных.

Саратовское чрезвычайное губернское земское собрание, «созывавшееся на 18 мая, было сконструировано таким образом, что в состав его кроме старых губернских земских гласных вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях». Оно также утвердило непрременное требование уездных земских собраний об удалении из земств должностных лиц, утвержденных «на основании особых привилегий... присвоенных им старой властью свергнутого правительства» [9. Л. 182 об.]. Большинство в реформированном Саратовском губернском земском собрании, как и в Самаре, принадлежало умеренным эсерам. Многие из них примыкали к народным социалистам, создателям Крестьянского союза. Весной 1917 г. Крестьянские союзы были организованы по всей Саратовской губернии, но они не выдержали конкурентной борьбы с крестьянскими комитетами [15, с. 174]. Однако в Саратовском земстве энесы сохранили свое влияние.

Крайне напряженные отношения сложились между властью и обществом в связи с демократизацией Казанского губернского земства. Губернская земская управа всячески оттягивала решение этого вопроса. Под давлением Казанского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и при непосредственном участии его крестьянской секции губернский Комитет общественной безопасности выработал план преобразования земства. В соответствии с ним из состава Губернского земского собрания удалялись все гласные по назначению, председатели уездных управ. Вместо них места предоставлялись новым общественно-политическим организациям: от Совета крестьянских депутатов — 75 человек, рабочих и солдатских — 12; политических партий — по 2 от каждой, губернских организаций местных народностей — по 2 от каждой, профессиональных союзов — по 2 от каждого [4, с. 81].

Казанское чрезвычайное губернское земское собрание, исходя из требований широкой общественности, 23 мая 1917 г. избрало новый состав губернской земской

Управы. В ней не оказалось ни одного лица, работавшего раньше в губернском земстве, зато появились представители левых эсеров и даже председатель Мусульманского социалистического комитета М. Вахитов. Такое радикальное обновление Казанского земства вызвало резко негативную реакцию Временного правительства. Оно немедленно предписало министерству финансов закрыть кредиты Казанскому земству во всех казначействах Госбанка [4, с. 82]. После долгих разбирательств с середины июня 1917 г. новый состав Управы смог приступить к работе, но деньги ей по-прежнему не выдавались теперь уже по причине общего расстройств финансов.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где общественные комитеты находились под контролем губернских комиссаров Временного правительства, земства пополнялись по инициативе местной администрации. Соотношение между властью и самоуправлением здесь было иное — не комитеты, а земства объявлялись высшими представительными органами власти [11, с. 33]. Такая система позволяла сохранить однородность социального состава представительной и исполнительной власти на местах. Этот баланс не мог сохраняться долго в условиях развивающейся революции, но он и создавался как временный.

В ходе реорганизации земского самоуправления регламентирующая деятельность Временного правительства была направлена на сдерживание местной инициативы, игнорирование правотворчества общественно-политических объединений, возникших в ходе революции. Это порождало неадекватную реакцию центрального руководства в отношении не только «творящих произвол» советов и комитетов, но и местных органов власти [21, с. 83–84]. Губернские и особенно уездные комиссары Временного правительства, большинство которых в Поволжье летом 1917 г. было переизбрано общественными комитетами или крестьянскими съездами, постоянно находились между «молотом и наковальней». Окрики и запреты сверху, давление снизу приводили в итоге к бездеятельности местной власти. А земство разделяло ее судьбу. Министерство внутренних дел в телеграммах, посланных губернским комиссарам в конце апреля 1917 г., постоянно подчеркивало, что «пополнение гласных представителями демократических слоев населения допустимо лишь в виде временной меры» [19. Л. 6].

Рассматривая процесс демократизации земского самоуправления в Поволжье, необходимо отметить некоторые особенности этого процесса на фоне общероссийских событий. Все уездные земские собрания под давлением общественных организаций осуществили демократическое обновление своего состава. Давние традиции массового крестьянского движения «за землю и волю» способствовали радикализации низовых общественных организаций, осуществлявших преобразования власти и самоуправления в сельской местности. Тактику Временного правительства, состоявшую в том, чтобы не навредить поспешными преобразованиями, местные административные структуры осуществить были не в состоянии. Они сами находились под контролем съездов, советов, комитетов.

Демократизация губернских земских собраний и особенно управ осуществлялась очень поверхностно и медленно. Даже в тех губерниях, где общественные комитеты или советы выступали за скорейшее пополнение губернских земств демократическими элементами, процесс этот осуществлялся формально. Цензовые элементы не только сохраняли за собой места в губернских земских собраниях, но и составляли большинство в губернских управах. Непосредственных рычагов влияния на губернские органы самоуправления у рабочих, солдатских и крестьянских организаций не было. Пожелания губернских общественных комитетов о необходимости демократизации органов самоуправления носили рекомендательный характер. В то же время губернские земства следовали указаниям Временного правительства, видевшего в них вполне пригодную структуру для формирования новой власти в стране.

Реорганизация самоуправления после февраля 1917 г. показала, что ни цензовым, ни обновленным и демократизированным думами и земствам не удалось аккумулировать силу мнения народа. Советы, защищавшие интересы рабочих и крестьян в революции, получили от них реальную поддержку. Этим воспользовались большевики, через советы захватившие власть и декларировавшие коренные изменения социально-экономических и общественно-политических отношений. Таким образом традиционализм революционных потоков победил западнические общедемократические ценности.

Библиографический список

1. Волжский день: политическая и общественно-литературная газета. 1917. 6 июня.
2. Волжское слово: политико-общественная и литературная газета. 1917. 16 марта.
3. Волжское слово. 1917. 11 апреля.
4. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 109. Ло. 1. Д. 1255.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138.
7. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4721.
9. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 137. Оп. 36. Д. 169.
11. Кабытова Н.Н. Местное самоуправление в 1917 году // Местное самоуправление в России. История и современность: материалы научно-практической конференции. Самара, 2015. С. 28–34.
12. Красный архив. М., 1926. Т. 2.
13. Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.
14. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 80.
15. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
16. Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 г.: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
17. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980.
18. Устина Л.Н. Городские думы в 1917 г. (на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993.
19. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 908.
20. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26.
21. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара: ПГСГА, 2014.

References

1. *Volzhskaa den'. Politicheskaiia i obshchestvenno-literaturnaia gazeta*. 1917, June 6 [in Russian].
2. *Volzhskaa slovo. Politiko-obshchestvennaia i literaturnaia gazeta*. 1917, March 16 [in Russian].
3. *Volzhskaa slovo*. 1917, April 11 [in Russian].
4. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Territorial self-government in Russia]. M.: Nauka, 1990 [in Russian].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO)* [The State Archive of the Penza Region]. F. 109. Lo. 1. D. 1255 [in Russian].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 1788. Op. 2. D. 138 [in Russian].

7. GARF. F. 1788. Op. 6. D. 15 [in Russian].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO) [The State Archive of the Saratov Region]. F. 3. Op. 1 D. 4721 [in Russian].
9. GASO. F. 5. Op. 1. D. 3870 [in Russian].
10. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO) [The State Archive of the Ulyanovsk Region]. F. 137. Op. 36. D. 169 [in Russian].
11. Kabytova N.N. *Mestnoe samoupravlenie v 1917 godu* [Local self-government in 1917]. In: *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Istorii i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Local self-government in Russia. History and modernity. Materials of research and practical conference]. Samara, 2015, pp. 28-34 [in Russian].
12. *Krasnyi arkhiv* [Red Archive]. M., 1926, Vol. 2 [in Russian].
13. Matveev M.N. *Zemstva Povolzh'ia v 1917–1918 godakh: dis. ... kand. ist. nauk* [County Councils of the Volga Region in 1917–1918: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 1995 [in Russian].
14. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [The National Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1246. Op. 1. D. 80 [in Russian].
15. Raleigh D.J. *Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove* [Revolution on the Volga. 1917 in Saratov]. Saratov, 1995 [in Russian].
16. Rumyansev D.E. *Demokratizatsiia organov gorodskogo samoupravleniia v Povolzh'e v 1917 g.: istoriko-politicheskii analiz: dis. ... kand. ist. nauk* [Democratization of bodies of municipal self-government in the Volga Region in 1917: historical and political analysis. Candidate's of Historical Sciences thesis]. Kazan, 2006 [in Russian].
17. Starcev V.I. *Vnutrenniiaia politika Vremennogo pravitel'stva* [Domestic policy of the provisional government]. L., 1980 [in Russian].
18. Ustina L.N. *Gorodskie dumy v 1917 g. (na materialakh Samarskoi, Saratovskoi i Simbirskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [City councils in 1917 (on the materials of the Samara, Saratov and Simbirsk provinces). Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 1993.
19. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO)* [The Central State Archive of the Samara Region]. F. 5. Op. 9. D. 908 [in Russian].
20. TsGASO. F. 153. Op. 41. D. 26 [in Russian].
21. Shchelkov A.B. *Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara province in 1917]. Samara: PGSGA, 2014.

*N.N. Kabytova**

REFORMING THE STRUCTURES OF LOCAL GOVERNMENT IN 1917

In the article the first stage of reorganization of local government in conditions of revolutionary changes of 1917 is considered. Primary democratization of City Councils, provincial and district zemstvos was carried out under control of public executive committees with involvement of councils of working, military, country deputies.

Key words: Great Russian revolution, Provisional government, local government, thoughts, zemstvos, committees, councils.

Статья поступила в редакцию 25/IX/2016.
The article received 25/IX/2016.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of the Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.